

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Анатолий ДРОЗДОВ

КАПЕЛЛАН

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д75

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Горбачика*

Дроздов, Анатолий.

Д75 Капитан / Анатолий Дроздов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-04-089473-4

Далекое будущее. XXII век..

Капитан Головатый, сын владельца клиники нетрадиционной пластической хирургии, решает стать капелланом Российской армии. После окончания военно-духовной академии его направляют служить на планету Реджин. Там базируется группировка военно-космических сил России. Усиленные конвойные роты, в просторечии «укурки», охраняют грузовые космические корабли с рудным концентратом. Параллельно этим занимается и космический десант США. Отношения между российскими «укурками» и американскими десантниками становятся все напряженнее...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089473-4

© Дроздов А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

1

Ренийка выглядела эффектно. Высокая, стройная, одетая в облегающие коричневые кожаные штаны и такую же куртку с длинными рукавами, она шагнула через порог трактира и замерла, давая присутствующим возможность себя разглядеть. Смотреть было на что. Шею женщины украшал небесно-голубой платок, ноги — остроносые сапожки с голенищами раструбом выше колена, а на голове сидела кожаная шляпа-федора с поднятыми полями. Не стетсон, конечно, но смотрелась ренийка воинственно. Впечатлению способствовал длинный кинжал в кожаных ножнах на правом боку. Средневековая воительница из американского фильма, снятого в качестве демонстрации гендерного равенства. По мнению Голливуда, женщины не должны уступать мужчинам и в таких делах.

Ренийка внимательным взглядом обвела зал трактира. Шум голосов стал стихать, и десятки взглядов устались на необычную гостью. Она приосанилась и задрала подбородок..

Последнее я домыслил. Никто не обратил на ренийку ни малейшего внимания. Веселье у папы Крума достигло той стадии, когда собутельники видят только самих себя, а также то, что льется в их кружки. Женщинами

они заинтересуются потом. Ренийку, похоже, это обидело. Она передернула плечами и направилась к моему столу. Куда ж еще? Свободных мест у папы Крума сегодня не имелось, а ко мне местные не подсаживаются — жизнь дорога. Ренийка, однако, была не из местных. Я торопливо опустил взор и приник к кружке. Занят я, не видно?

— Могу я присесть?

От удивления я поперхнулся. Вежливая ренийка? Это где? Я поднял взгляд. Она смотрела почтительно, насмешки в глазах не просматривалось. Надо же!

— Располагайтесь! — нехотя сказал я.

Ренийка плюхнулась на лавку и стащила шляпу. Копна иссиня-черных волос вывалилась ей на плечи и заструилась по плечам, мгновенно закрыв их, как и уши. Уши, конечно, в первую очередь. Гостья пристроила шляпу рядом с собой и уставилась на меня. Некоторое время мы молча разглядывали друг друга. На вид ей было лет двадцать. Овальное смуглое лицо, острый подбородок, миндалевидный разрез глаз. Чуть заметный, впрочем. Глаза не антрацитового, как обычно у ренийцев, а опалового цвета, редкого голубовато-зеленого оттенка. Ресницы длинные и густые. Общее впечатление портит только нос. Длинный, тонкий, с четко выраженной горбинкой, он явно предназначался для другого лица, но по чьей-то прихоти попал на это. Шутка богов. У коренных ренийцев носы похожи на пуговицы, торчащие из пухлых щек.

— Скажите, почтенный... — начала гостья.

— Гро, — сказал я. — Меня зовут Гро.

— Почтенный Гро. Здесь можно поесть?

— Разумеется, — кивнул я. — Но я бы не рекомендовал.

— Почему?

— Отравление несвежей пищей и вызванное ею несварение желудка или понос, — стал перечислить я. — Это в лучшем случае. Возможен заворот кишок, а он плохо лечится. Исход обычно летальный.

— Не слушайте его, почтенная! — Крум возник, словно материализовавшись. — Старина Гро любит шутить. У нас замечательная кухня. Могу рекомендовать запеченного в овощах тирха или лопатку стикуля в соусе из свежих фиолей. Пальчики оближете!

— Этот тирх подыхал от старости, а перед этим долго болел, — сказал я. — Забился в угол, чтобы тихо умереть, но его вытащили, забили и бросили на жаровню. А на стикуле возили воду, пока не откинул копыта. Этой лопаткой только гвозди забивать.

— Мэтр! — укоризненно сказал Крум.

Брови ренийки взлетели вверх. Ну да! Где балахон и дурацкая шапочка, которые Корпорация рекомендует носить тем, кто состоит в ее рядах? Только мы не состоим.

— Вот что, Крум, — сказал я, — принеси ей еды из моего котла. Похлебка, расстегай и кружка сидра. Остались?

Трактирщик кивнул.

— Перед этим — умыться. И побыстрее! Человек проголодался.

Крум сморщился, услышав «человек», но возражать не стал. Ренийка или нет, но она клиент, и, судя по одежде, не бедный. К тому же у Мерсии с Ренией сейчас мир. Крум исчез, а ренийка уставилась на меня.

— Вы маг?

— Лекарь.

— Не ожидала, что в Ремсе...

— Здесь есть гарнизон, которому положен лекарь, — пояснил я.

— Не во всех городах есть маги, — покачала головой ренийка. — Даже в крупных.

— Значит, Ремсу повезло, — буркнул я.

Она притихла, но ненадолго.

— Меня зовут Ноэль, — сказала тихо.

Я мысленно хмыкнул. Ну да! Как еще могли назвать это чудо со шнобелем? Именем богини красоты — и никак иначе. Тем временем служанка принесла тазик с теплой водой. У Крума это не принято, но я не люблю, когда за столом едят грязными руками. Ренийка достала из сумки полотенце, смочила его в тазу и аккуратно протерла лицо. Затем вымыла руки и осушила их тем же полотенцем. На предложенное служанкой даже не глянула. Правильно. У Крума этими полотенцами полы моют, по крайней мере, вид у них соответствующий. Покончив с гигиеническими процедурами, Ноэль села прямо и вновь уставилась на меня. Служанка унесла таз и вернулась с глиняной миской, над которой курился пар. Поставив ее перед ренийкой, достала ложку. Ноэль забрала ее, рассмотрела, после чего протерла тем же полотенцем. Я одобрительно кивнул. Появившийся следом Крум принес кружку с сидром и кувшин, из которого щедро плеснул в миску.

— Это что? — спросила Ноэль, глянув в миску.

— Снятое молоко, — пояснил Крум. — Для вкуса.

Ренийка глянула на меня.

— Кушайте! — сказал я. — Это здоровая пища. Бульон на косточке, овощи и снятое молоко. Там, откуда я родом, это зовут «борщ».

— Бо-орсч, — попыталась выговорить ренийка.

— Есть это вкуснее, чем произносить, — улыбнулся я. — А вот и расстегай!

Служанка поставила на стол тарелку с пирогом. Ноэль цапнула его, поднесла к носу и вдохнула запах. Через мгновение она впилась в расстегай зубками.

— С борщом вкуснее, — подсказал я.

Поколебавшись, она зачерпнула ложкой и поднесла ко рту. Мне показалось, что ее замечательный нос удлинился, дабы уловить запахи, и, видимо, дал «добро». Содержимое ложки исчезло во рту. Спустя миг послышалось одобрительное гмыканье, и ложка нырнула в миску. Я приложился к кружке. Крепленный сидр щипнул язык, и провалился в горло, согрев желудок. Хорошо! Для меня Крум крепит сидр водкой, которую я гоню сам. Сивухой, которую делают в Ремсе, только клопов травить.

Ренийка добила борщ быстрее, чем я сидр. Достав кинжал левой рукой, она срезала мясо с кости, бывшей в борще, ложкой забросила его в рот и закусила кусочком пирога, видимо, оставленным для такого случая. Затем отхлебнула из кружки и сыто улыбнулась.

— Благодарю вас, мэтр!

— Не за что, — сказал я.

— Могу я еще спросить?

Я склонил голову.

— В этом трактире можно снять комнату?

— Не рекомендую.

— Почему?

— Видите! — я указал на стол, за которым горланили солдаты. — Вас уже заметили. Не пристают лишь потому, что вы сидите со мной. Но стоит вам пройти в комнату...

— Я запру дверь.

— Выломают. Ни один засов не выдержит удара в дверь лавкой.

— У меня есть кинжал! — насупилась Ноэль.

— Отберут. Это солдаты, и они умеют обращаться с оружием. За попытку сопротивления вас убьют, но перед этим употребят — хором.

Ноздри Ноэль гневно затрепетали. Некоторое время она боролась с желанием выругаться, но взяла себя в руки.

— Думаю, вы правы, — сказала со вздохом. — Но где мне остановиться? В другой таверне?

— Везде то же самое. Гарнизону выдали жалованье, он гуляет.

— В Ремсе нет стражи? — возмутилась Ноэль.

— Есть, — подтвердил я. — Но в такие дни она прячется. Жить хочет.

— Что делать? — растерялась Ноэль.

— Ночуйте у меня. Просторный дом, два этажа, крепкие двери.

— Они не увяжутся? — Ноэль указала на солдат.

— Не посмеют.

Она бросила на меня взгляд, и я увидел себя ее глазами. Седенький старичок, на вид совсем безобидный. С чего солдатам его бояться? А если так, то чего ждать от дедушки? Вдруг он извращенец или, того хуже, тайный садист? Маги — они такие. Используют гостью для опытов — и все дела. Все это я прочел в ее глазах. Однако высказывать свои подозрения вслух она не стала.

— Почему вы помогаете мне? — спросила, помедлив.

— Требуется человек, который отвел бы меня домой, — объяснил я. — Солдаты пьяны, а Круму некогда — гостей много. Вы женщина крепкая, справитесь.

— Вы больны? — удивилась она.

— Хочу напиться. У меня, как и у солдат, сегодня жалованье. Ночевать у Крума желания нет — грязь и блохи. К тому же к ночи здесь все заблюют. Соглашайтесь!

Мой дом через площадь, его легко узнать. Высокий забор, кованые ворота. Ключи — вот! — я выложил связку на стол. — В доме две спальни: на первом этаже и на втором. Если взберусь, лягу наверху. Не получится — свалите меня вниз. В сундуке есть свежие простыни и наволочки. В доме — водяной туалет и ванная. Разберетесь. Вода в баке теплая — нагрелась за день. Можно помыться и постирать вещи.

— Идет!

Ноэль протянула ладонь. Я торопливо хлопнул по ней и крикнул служанке:

— Сидра! Моего! Три кружки.

* * *

Проснулся я рано — у пьяниц плохой сон. Ночью я несколько раз просыпался, купировал боль в голове и забывался вновь. В комнате стоял полумрак — светало. Я сел и осмотрелся. Ночевал я в своей спальне. Ренийка выполнила договор, значит, по лестнице я влез. А вот попытка вспомнить это к успеху не привела. Последним, что задержалось в голове, была пустая кружка, которую я ставлю на стул, и сильная рука, подхватывающая меня за талию. Кажется, вслед нам кричали...

Я отрешился от воспоминаний и встал. В виски кольнуло, но я убрал боль. Пригляделся. Одежда висела на спинке стула, рядом стояли сапоги. Интересно, разделся я сам?

Решив не нагружать голову мыслями, я накинул халат, сунул ноги в тапочки и спустился вниз. Лестница ерзала под ногами, но я проигнорировал сей факт. Похмельный сидром, остаточные явления... Сонно включив свет, я открыл дверь туалета и чуть не врезался ногой в ведро

с водой. М-да... Унитаз ренийка нашла и даже догадалась о его предназначении, о чем свидетельствовал опущенный стульчак, а вот поднести руку к фотоэлементу сливного бачка не сообразила. Впрочем, откуда ей знать? Унитаз в Мерсии существует в единственном экземпляре. Я привез его с Земли, как и прочее оборудование. Монтировал сам, поскольку сантехников в Мерсии нет. Их нет нигде на этой заброшенной планете. Даже в королевском дворце туалет типа сортир, который чистят золотари. Говорят, почетная должность...

Я выставил ведро в прихожую, справил свои дела и отправился в ванную. Скинув халат, встал под душ. Вода в баке остыла, но включать подогрев я не стал. Холодная сейчас в самый раз. Ежась и завывая, я вытерпел экзекуцию до конца. Придя в себя, растерся полотенцем, после чего глянул в зеркало.

На меня смотрело молодое лицо. Потемневшие от влаги длинные волосы, такая же борода, синие глаза под высоким лбом. Прямой нос, красные белки глаз. Дьявол! Личина слетела. Интересно, когда? Ночью, когда я спал, или, не дай бог, вчера? Последнее плохо. Истинный облик наверняка запомнили, и тогда из Ремса придется лиять. А я только обжился...

Прикрыв веки, я сосредоточился. Теплая волна пробежала от ног до макушки, окутав меня, как одеялом. Я открыл глаза. Из зеркала смотрел старичок: седенький и благообразный. Слегка помятый, но это несущественно.

Я выключил свет в ванной и выбрался в коридор. Из кухни доносилось шкварчание, и там кто-то пел. Ноздри учуяли жареное мясо, и рот наполнился слюной. Я пощипался на запах.

На кухне хозяйничала ренийка. В этот раз на ней были шелковые персиковые шаровары и рубаха алого

цвета. Ноги украшали туфли без задников с загнутыми вверх носами. Откуда она это взяла? Ее сумка в трактире была совсем маленькой. Увидев меня, Ноэль смолкла.

— Привет! — буркнул я.

— Доброе утро, мэтр! — она поклонилась. — Присаживайтесь! Как спалось?

— Хреново! — ответил я, мостясь у окна. Створки его были распахнуты, со двора веяло свежестью. То, что нужно. — Тирхи снились. Скакали по животу и показывали языки. Зелененькие.

Ноэль прыснула, но тут же приняла строгий вид.

— На завтрак — мясо, — сказала важно. — Я купила на рынке лопатку стикуля. Молодого.

— Он в этом признался? Под пытками?

— Нет, мэтр! — ренийка подавила смешок. — Но я разбираюсь в мясе. Бабушка научила.

— Вскипяти воду! — попросил я.

Ноэль пошарила взглядом по полкам, нашла кастрюльку и наполнила ее из ведра. После чего кастрюлька заняла место на плите. Краном ренийка не воспользовалась — не знает. В Рении водопровода нет. Как и в Мерсии, к слову.

Плиту ренийка раскочегарила от души, вода зашипела скоро. Я встал, снял с полки банку и щедро отсыпал в кружку коричневого порошка.

— Это что, мэтр? — полюбопытствовала Ноэль.

— Там, где я жил, это называют «кофе». Бодрящий напиток, который пьют по утрам.

— А можно мне?

Я отсыпал кофе в другую кружку. Вода вскипела. Я плеснул из кастрюльки в кружки, размешал ложкой и поставил на стол.

— Запах приятный, — сказала Ноэль, принюхиваясь.

— Зато вкус горький, — обломал я. — Впрочем, можешь добавить меда. Вон там, в кадке.

— Буду, как вы, — отказалась Ноэль.

Поспел завтрак. Ренийка, подцепив мясо кинжалом, выложила его в тарелки и поставила их на стол. Я взял с полки вилку с ножом и пристроился у окна. На срезе мясо было слегка розовым, но прожарилось оно хорошо. Я положил в рот кусочек и медленно разжевал. Замечательно! Парной бифштекс сдобрили травами и в меру посолили. Мясной сок ласкал язык, даря ему незабываемые ощущения. Еще бы и хлеба! Однако купить его ренийка не догадалась.

— Вкусно! — похвалил я.

Ноэль зарделась.

— Можно и мне? — она указала на приборы.

Я кивнул. Она взяла с полки второй комплект, и некоторое время мы молча ели. Ноэль орудовала вилкой не слишком уверенно, но в рот попадала, так что куски мяса в воздухе не летали. Покончив с едой, я взял кружку и отхлебнул обжигающей жидкости. Благодать!

— Горько! — сказала Ноэль, повторив мои движения. — Но все равно вкусно.

Спорить я не стал. Кофе с похмелья — это самое то. Кто-то предпочитает крепче, но мне нельзя. Спиртного в доме я не держу. Иначе буду пить, пока не прикончу все.

Покончив с кофе, я посмотрел на Ноэль. Она с готовностью отставила кружку в сторону.

— Нам... это... не мешали вчера?

— Нет, мэтр! — покачала она головой. — Никто из солдат даже не встал. Правда, кричали вслед.

— Что?

Она покраснела.

— Понятно! — вздохнул я. — А дальше?

— Мы вышли на площадь, и вы запели.

Я поднял бровь.

— Язык незнакомый, — сказала Ноэль, — но я запомнила. — Она наморщила лоб и пропела:

К планете рвется наш десантный бот.
Разрывами закрыты небеса.
Не ссы в скафандры, забубенный взвод.
Нам жить на всех осталось полчаса...

Она выпевала слова с заметным акцентом, но все равно понятно. М-да...

— Дальше я не запомнила, — вздохнула ренийка. — Что-то «возьмет», «в рот» и другие такие же непонятные слова. Но песня хорошая, душевная. Мне понравилась.

Я закашлялся. Песню сочинили десантники, и слова в ней были соответствующие. Причем чем дальше, тем ядреней.

— Что было потом? — спросил я.

— Ничего! — пожала плечами ренийка. — Я открыла ключами двери, помогла вам войти в дом. Вы показали мне, где спать, и полезли наверх. При этом ругались.

— Как?

— Я не разобрала. Хотела вам помочь, но потом решила, что сами справитесь. Вы сильный, хотя и выглядите стариком.

Я облегченно вздохнул: личина ушла ночью.

— У вас хороший дом, — продолжила Ноэль. — Мне здесь нравится. Стоит встать в ванну, как сверху льется вода. Вышел — прекращает.

Ну да, фотоэлемент...

— Еще мне понравились светильники, которые зажигаются прикосновением к плашке. Я с ними сразу разо-